

Говард Филлипс Лавкрафт

Загадочный дом на туманном утесе

(The Strange High House in the Mist)

По утрам у скал за Кингспортом с моря поднимается туман. Белый и слоистый, он поднимается из морских глубин к своим собратьям-облакам, принося им видения подводных пастбищ и таинственных пещер Левиафана. Позднее частички этих видений возвращаются на землю вместе с тихими летними дождями, которые, падая на островерхие крыши, вдохновляют живущих под ними поэтов. Человеку в этой жизни трудно обойтись без тайн и старинных легенд, без тех сказочных историй, что по ночам нашептывают друг другу далекие планеты. Когда в подводных гротах тритонов и в древних затонувших городах звучат первобытные мелодии Властителей Древности, великие туманы поднимаются к небесам, неся с собой тайное знание, недоступное человеку. В такие минуты глаза, устремленные в сторону моря, видят одну лишь белесую пустоту, как если бы край утеса был краем вселенной, а колокола на невидимых бакенах звонят торжественно и протяжно, словно паря в волшебном океане эфира.

К северу от Кингспорта скалы образуют террасы, нагроможденные одна на другую и достигающие огромной высоты. Последняя из них висит подобно застывшему серому облаку, принесенному бризом. Открытая всем ветрам, она одиноко парит в безграничном просторе, поскольку берег здесь круто поворачивает — как раз в этом месте впадает в море полноводный Мискатоник, который течет по равнине мимо Аркхема, неся с собой легенды далекого лесного края и мимолетные воспоминания о холмах Новой Англии. Для жителей Кингспорта этот утес имеет такое же значение, как для какого-нибудь морского народа Полярная звезда, Большая Медведица, Кассиопея или Дракон. В их представлении этот утес являет собой одно целое с небесной твердью. Туман закрывает его точно так же, как скрывает он солнце и звезды. К некоторым из утесов местные жители относятся с любовью. Одному из них они дали имя Отец Нептун за его фантастический профиль, ступенчатые уступы другого нарекли Большой Дамбой. Но этой скалы люди явно боятся — уж очень она высока и неприступна. Впервые увидев ее, португальские моряки суеверно перекрестились, а местные старожилы-янки до сих пор уверены, что, если бы кто и смог взобраться на эту высоту, последствия для него были бы ужаснее смерти. Тем не менее на этом утесе стоит древний дом, и по вечерам люди видят свет в его небольших квадратных окошках.

Этот дом всегда стоял там — ходят слухи, что в нем живет Некто, говорящий с утренними туманами, которые поднимаются из глубин. Он якобы наблюдает чудеса, открывающиеся в океанской дали в те часы, когда кромка утеса становится краем вселенной и колокола на бакенах торжественно звонят, свободно паря в туманном эфире. Но все это только домыслы. На грозном утесе никто никогда не бывал. Даже просто взглянуть на него в подзорную трубу решались немногие. Правда, люди, приезжающие сюда летом на отдых, не раз направляли в ту сторону свои щегольские бинокли, но видели только серую остроконечную крышу, поднимающуюся чуть ли не от самого фундамента, да еще тусклый свет маленьких окон в сумерках. Приезжие не верят, что

пресловутый Некто живет в этом доме на протяжении сотен лет, но не могут доказать свою правоту коренным кингспортцам. Даже Страшный старик, который беседует со свинцовыми маятниками, подвешенными в бутылках, расплывается с бакалейщиком старинными испанскими дублонами и держит каменных идолов во дворе своего дома на Водяной улице, может сказать лишь то, что дела с домом обстояли точно так же еще в те времена, когда его дед был мальчишкой, и даже много раньше, когда Белчер или Ширли — не говоря уж про Паунела или Бернарда — были губернаторами его королевского величества колонии Массачусетс.

Однажды летом в Кингспорт приехал некий философ. Звали его Томас Олни; он преподавал какие-то скучные предметы в колледже, что расположен неподалеку от Наррагансетского залива. Философ приехал на отдых вместе с дородной женой и шумливыми детьми. Глаза его устали видеть одно и то же в течение многих лет, а ум утомился от однообразных, ставших уже шаблонными мыслей. Олни наблюдал туманы с вершины Отца Нептуна и пытался проникнуть в их таинственный мир, взбираясь по крутым ступеням Большой Дамбы. Каждое утро он подолгу лежал на утесах и, вглядываясь в загадочную пелену за краем земли, прислушивался к призрачному звону колоколов и далеким пронзительным крикам, которые вполне могли быть криками обыкновенных чаек. А после того как туман рассеивался и море принимало свой будничны́й вид, он со вздохом спускался в город, где любил бродить по узким древним улочкам, петляющим на склонах холма, и изучать потрескавшиеся, полуразрушенные фасады и двери с фантастическими резными украшениями в домах, где обитали многие поколения рыбаков и мореходов. Он даже как-то раз потолковал со Страшным стариком, который, хотя и не особенно жаловал посторонних, пригласил-таки его в свое мрачное жилище, где низкие потолки и изъеденные жучком панели не раз отражали эхо весьма странных ночных монологов.

Само собой разумеется, Олни обратил внимание на серый, никем не посещаемый дом на зловещем северном утесе, который, по слухам, был посвящен в тайны морских туманов и представлял собой одно целое с небесной твердью. Он висел над Кингспортом всегда и во все времена был загадкой для его обитателей. Страшный старик сиплым голосом рассказал Олни слышанную от отца историю о том, как однажды из островерхого дома к облакам поднялся ослепительный столб огня; а бабушка Орн, обитавшая в крохотном домике на Корабельной улице, поведала, что ее бабка в свое время знавала людей, своими глазами видевших, как какие-то призраки входили в единственную узкую дверь этого неприступного жилья прямо из глубины тумана. А дверь эта, надо заметить, расположена всего в нескольких дюймах от края скалы и может быть видна только с борта корабля.

В конце концов, изголодавшись по новым впечатлениям и презрев всеобщий кингспортский страх и обычную лень сезонного дачника, Олни принял роковое решение. Вопреки консервативному воспитанию — а возможно, как раз благодаря ему, ибо однообразная жизнь пробуждает томительную жажду неизведанного, — он вознамерился забраться на таинственный утес и войти в древний заоблачный дом. Здравый смысл подсказывал ему, что обитатели дома могут добраться до него более легкой дорогой со стороны устья Мискатоника. Может быть, зная неприязнь к ним

кингспортцев или будучи не в состоянии спуститься в город по отвесному южному склону, они делали необходимые закупки в Аркхеме. Тщательно осмотрев это место, Олни еще раз убедился в его неприступности. С востока и севера вертикальные стены поднимались от самой воды. Оставался необследованным лишь западный гребень скалы, направленный в сторону Аркхема.

И вот однажды, ранним августовским утром, Олни выступил в поход. Он двигался на север по живописным проселочным дорогам, мимо пруда Хупера и старой кирпичной мельницы. Луговой склон плавно поднимался к горному кряжу над Мискатоником. Отсюда открывался дивный вид на белые георгианские шпили Аркхема и на широкие поля за ними по ту сторону реки. Олни обнаружил узкую тенистую тропинку, ведущую к Аркхему. Того, что он искал, — дороги в сторону океана — не было и в помине. Устье реки было окружено сплошными лесами, и ничто здесь не говорило о присутствии человека — он не приметил ни остатков каменной ограды, ни отбившейся от стада коровы. Кругом росли только подпиравшие небо деревья, высокая трава да жесткие колючие кусты — пейзаж, должно быть, мало изменился с тех пор, когда тут бродили индейцы. С трудом продираясь сквозь эти заросли, Олни задавался вопросом, как обитателям дома удается выбираться в большой мир и часто ли они бывают на рынке в Аркхеме.

Вскоре лес поредел, и далеко внизу он увидел холмы, шпили и черепичные крыши Кингспорта. Даже центральный городской холм казался карликом с этой высоты. Олни еле различил старое кладбище рядом с больницей Конгрегации, под которой, согласно местным легендам, находились какие-то потайные пещеры или подземные ходы. Вверх по склону росла невзрачная травка да чахлые побеги черники, а за ними виднелась лишь голая скала да серый дом, застывший на ее вершине. Гребень скалы становился все уже, и у Олни начала кружиться голова. Он вдруг остро ощутил свое одиночество и беспомощность: к югу от него была наводящая ужас пропасть над Кингспортом, к северу — отвесная стена высотой не менее мили и устье реки где-то далеко внизу. Внезапно перед ним открылась расселина футов в десять глубиной. Он повис на руках и спрыгнул на покатое дно, а затем с риском для жизни полез вверх по трещине в противоположной стене. Ему пришло в голову, что обитателям этого жутковатого дома приходится несладко во время путешествий между небом и землей.

Когда он выбрался из расселины, уже начал собираться утренний туман, но ему был ясно виден впереди высокий дом, серые, под цвет скалы, стены и острый конек крыши, окутанный молочно-белыми морскими испарениями. Олни рассмотрел стену дома, обращенную к суше. Пара решетчатых окон с тусклыми стеклами, забранными свинцом в манере XVII века, — и ни намека на дверь. Облако тумана продолжало сгущаться, и он уже не видел внизу ничего, кроме сплошной белой завесы. Он остался один на один с этим странным, пугающе-безмолвным домом. Когда же он неверным шагом приблизился к нему и увидел, что передняя стена составляла одну плоскость со скалой, а до единственной узкой дверцы нельзя было добраться иначе, кроме как шагнув прямо по воздуху, Олни ощутил прилив ужаса, который нельзя было объяснить одной лишь головокружительной высотой. При этом он все же успел заметить, что крыша дома прогнила почти насквозь, а кирпичная кладка печной трубы держалась только чудом — настолько она была ветхой.

В сгущающемся тумане Олни ползком обследовал окна на северной, западной и южной стенах — все они были заперты. Он испытал смутное облегчение от этого, ибо ему все меньше хотелось попасть внутрь. Вдруг его остановили какие-то звуки. Бряцание замка, стук засова, скрип — словно где-то рядом медленно и осторожно открывали тяжелую дверь. Все это происходило со стороны океана, сам он не мог видеть ту стену. Узкая входная дверь распахнулась над тысячефутовой бездной. Затем внутри раздались тяжелые шаги, и Олни услышал, как открыли окно сначала на северной стене, с противоположной стороны дома, потом — на западе, за углом. Вслед за этим должны были открыть окно под низко свисавшим карнизом на южной стороне — там, где он стоял. Надо признаться, ему стало очень неуютно. Впереди — этот зловещий дом, позади — глубокая пропасть. Когда за ближайшей створкой послышался звук открываемых задвижек, Олни снова перебрался на западную сторону, плотно прижимаясь к стене с открытыми теперь окнами. Очевидно, вернулся хозяин. Откуда? Со стороны суши никто не появлялся, к дому не подлетал ни шар, ни любое другое мыслимое воздушное судно. Шаги опять приблизились к нему. Олни метнулся к северу, но скрыться не успел: послышался спокойный негромкий голос. Судя по всему, встречи с хозяином дома было не избежать.

Из западного окна высунулось лицо, обрамленное черной густой бородой. Взгляд блестящих глаз хозяина был пронзителен. Но голос его звучал мягко, с какими-то архаичными интонациями, потому Олни не испытал шока, увидев протянутую ему загорелую руку. С помощью хозяина он перелез через подоконник и очутился в низкой комнате, обитой черными дубовыми панелями и уставленной резной мебелью эпохи Тюдоров. Мужчина был одет в старомодный кафтан и по виду напоминал моряка со средневекового галеона. Олни не слишком много запомнил из того, что тот ему рассказывал. Сейчас он даже не может с определенностью сказать, кем был бородач, но утверждает, что был он необычен, добр и что, находясь рядом с ним, он как никогда остро ощущал бесконечность времени и величие космоса. Маленькая комнатка была наполнена тусклым зеленоватым светом, словно от лучей солнца, проходящих сквозь воду. Олни заметил, что окна на восточной стороне дома отделяли помещение от туманного эфира темными, почти непрозрачными стеклами. Хозяин на первый взгляд казался достаточно молодым, однако глаза его были глазами древнего старца. Из его слов можно было и впрямь заключить, что он жил здесь, общаясь с морскими туманами, задолго до тех времен, когда на равнине появились первые поселенцы и увидели высоко над собой его молчаливый дом. День шел своим чередом, а Олни все внимал его рассказам о старине и далеких чудесных краях. Он услышал о том, как цари Атлантиды боролись с громадными скользкими морскими гадами, выползавшими из расселин на дне, узнал, что Храм Посейдона, украшенный мраморными колоннами и увитый водорослями, до сих пор иногда является взору матросов, чей корабль обречен на гибель. Вспоминал рассказчик и времена Титанов, и те смутные века царства хаоса, когда еще не было ни богов, ни даже Властителей Древности, а *Иные боги* веселились и танцевали на вершине горы Хатег-Кла в каменистой пустыне близ Ултара, что лежит за рекой Скай.

Неожиданно раздался стук в дверь — в старинную дубовую дверь, украшенную гвоздями с квадратными шляпками, за которой была одна лишь бездна. Олни вздрогнул от неожиданности, но бородач сделал успокаивающий жест, на цыпочках прошел к

двери и заглянул в глазок. Вероятно, ему не понравилось то, что он увидел, потому что, приложив палец к губам, он обошел комнату кругом, закрывая окна. Только после этого он занял свое место напротив гостя. Олни увидел, как неясный черный силуэт появился поочередно в каждом из полупрозрачных окон и чуть погодя исчез во мгле. Философ почувствовал облегчение от того, что хозяин не открыл двери. Таинственный пришелец из бездны — кто бы он ни был — вряд ли приходил сюда с добрыми намерениями.

Понемногу начали сгущаться тени — сначала едва заметные под столом, затем все более плотные по углам. Бородатый хозяин совершал какие-то ритуальные действия и, передвигаясь по комнате, зажигал высокие свечи в старинных, прекрасной работы подсвечниках. Он все посматривал на вход, словно кого-то ожидая. В конце концов, как бы в ответ на его вопросительный взгляд, послышалась серия легких ударов в дверь — что-то вроде условного пароля. На этот раз хозяин даже не заглянул в глазок, а сразу отодвинул массивный засов и широко распахнул дверь в туман, навстречу звездам.

И под звуки удивительной музыки в комнату из океанских глубин хлынули ожившие воспоминания и грезы древних обитателей Земли. Яркие языки пламени на миг ослепили Олни, когда он встал, чтобы должным образом приветствовать гостей. Был тут и Нептун с трезубцем в руке, и игривые тритоны, и фантастические nereиды. На спинах дельфинов возлежала огромная раковина с зубчатым краем, в которой помещался грозного вида старик — то был Ноденс, Хозяин Великой Бездны. Тритоны извлекали сверхъестественные ноты из своих перламутровых раковин, а nereиды подняли ужасный шум, ударяя в гулкие панцири неведомых морских моллюсков. Ноденс протянул морщинистую руку и помог Олни с бородачом забраться в свой просторный экипаж. При этом раковины и панцирные гонги взвыли и загрохотали с удвоенной силой. Сказочный кортеж покинул утес и растаял в безбрежном эфире, а производимый им шум потонул в раскатах надвигающейся грозы...

Всю ночь в Кингспорте наблюдали высокий утес, изредка появлявшийся между летящими тучами. Когда ближе к утру в его окнах погасли огни, суеверные люди шептались — не иначе, мол, быть беде. А дети и жена Олни всю ночь усердно молились Всевышнему и очень надеялись, что путешественник одолжит у кого-нибудь зонтик и плащ, если дождь не утихнет к утру. Как обычно, с рассветом поднялся туман и разнесся торжественный звон бакенных колоколов. А в полдень свирели эльфов запели над океанским простором, возвестив о возвращении Томаса Олни. Он шел легкой походкой, в совершенно сухой одежде, взгляд же его был задумчив и как-то странно рассеян. При этом он не смог толком объяснить, что именно произошло с ним в вознесенном под небеса жилище безымянного отшельника, не помнил, как спустился с высоты, и вообще не желал ни с кем говорить о своем путешествии. Разве что со Страшным стариком, который позднее на все любопытные расспросы отвечал коротко и маловразумительно — что, мол, спустился не совсем тот, кто поднимался, и что якобы под островерхой крышей, а может быть, и где-нибудь в недостижимых туманных высях все еще блуждает потерянная душа того, кто прежде был Томасом Олни.

С тех пор в течение долгих однообразных лет философ трудился, ел, спал — словом, покорно влачил существование добропорядочного гражданина — и никогда больше не проявлял интереса к вещам чудесным и сверхъестественным. Дни его сейчас текут

спокойно и размеренно, женушка все толстеет, а дети выросли, поумнели и стали хорошей опорой для стареющего отца, который не упускает случая этим похвастаться. Взгляд его давно уже утратил огонек беспокойства, и если он когда и прислушивается к торжественным колоколам или дальним свирелям эльфов, то лишь во снах, с годами посещающих его все реже и реже. Никогда больше семейство Олни не приезжало в Кингспорт — им не пришлось по вкусу нелепые старые домишки и вечная сырость этого приморского городка. Теперь они каждое лето отдыхают в нарядном бунгало на Бристольском нагорье, где нет крутых утесов, а соседи в большинстве своем являются культурными городскими дачниками.

Между тем в Кингспорте ходят самые невероятные слухи; даже Страшный старик допускает, что его дедушка рассказал далеко не все из того, что ему было известно. Ибо теперь всякий раз, когда северный ветер обдувает высокий дом, который, как говорят, составляет единое целое с небесной твердью, над округой уже не царит зловещая тишина, многие годы пугавшая жителей Кингспорта. Теперь кое-кто из них утверждает, будто бы в высях поют ангельские голоса, слышен смех, исполненный неземной радости, а маленькие окошки небесного дома светятся ярче, нежели раньше. Они подметили также, что ослепительное сияние все чаще загорается над островерхим домом, и тогда на фоне голубоватых зарниц утес и дом выглядят каким-то фантастическим черным миражем. Утренние туманы стали еще более непроницаемы, и многие моряки сомневаются в том, что висящий над морем торжественный звон и впрямь исходит от бакенов.

В то же самое время — что хуже всего — молодежь Кингспорта, отринув страхи, с любопытством прислушивается к далеким завываниям северного ветра. Они клянутся, что старый дом не может служить источником беды и зла, поскольку в доносящихся оттуда голосах звенит радость, а с ними вместе слышны смех и музыка. Им неизвестно, что происходит вверху за призрачной пеленой тумана, но они жаждут уловить хоть какой-то намек на те чудеса, что тихо стучатся в дверь дома, когда тому наступает срок. Старейшины всерьез опасаются, что однажды все молодые люди один за другим отправятся на вершину разведать, какие древние тайны скрывает дом под своей островерхой крышей. Они не сомневаются в том, что эти отчаянные смельчаки вернутся обратно, но боятся, что в их глазах погаснет прежний огонь, а сердца охладят к жизни. Им не хочется, чтобы Кингспорт с его узкими улочками, карабкающимися по холмам, и резными фронтонами старинных зданий год за годом жил вялой апатичной жизнью, в то время как смеющийся хор, пополняясь новыми голосами, звучал бы все громче и громче на той недоступной скале, где отдыхают морские туманы по пути к небесам.

Они не хотят, чтобы души молодых людей покинули уютные домашние очаги и таверны старого Кингспорта; не хотят, чтобы смех и пение наверху с каждым годом усиливались и разрастались. Ведь если всего лишь один присоединившийся к хору голос принес новые туманы с моря и сделал огни на утесе ярче, то другие голоса добавят еще туманов и голубоватых огней, и, может быть, сами Старые боги (на чье существование они робко намекают, боясь, что эта ересь достигнет ушей приходского священника) явятся из морских глубин и с вершины неведомого Кадата, затерянного среди холодной пустыни, чтобы вновь поселиться на дьявольском утесе, в опасной близости от ласковых

холмов и долин Новой Англии. Они не хотят этого, ибо простым людям общение с потусторонними силами никогда не приносило добра. Кроме того, Страшный старик частенько вспоминает слова Олни о том первом стуке, которого устрасился отшельник, и о черном силуэте за полупрозрачными окнами дома.

Все эти тайны ведомы лишь Властителям Древности и никогда не станут достоянием людей. А пока же густой туман каждое утро поднимается от подножия утеса на головокружительную высоту к серому дому с остроконечной крышей, где по вечерам зажигаются таинственные огни, и тогда северный ветер доносит до города отголоски безудержного веселья. Белый слоистый туман восходит из глубины к своим братьям-облакам, принося с собой видения цветущих морских долин и мрачных пещер Левиафана. Когда в подводных гротах тритонов, в древних затонувших городах звучат первобытные мелодии Властителей Древности, великие туманы поднимаются к небесам, а Кингспорт, уютясь на склоне холмов под надзором зловещего каменного часового, видит в стороне моря лишь мутно-белую пустоту, как если бы кромка берега была краем Вселенной — в такие минуты колокола на невидимых бакенах звонят торжественно и протяжно, словно паря в бесконечном океане эфира.

Перевод: В. Останин

1993 год